1Региональный этап
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2025 г.
ПЕРВЫЙ ТУР 9–11 класс

Время выполнения заданий первого тура — 180 минут

Уважаемые участники!

Перед Вами находится текст, который необходимо проанализировать. **Проведите его анализ, ответив на вопросы.** Ваши ответы должны опираться на текст и актуальные обществоведческие знания.

1.1. В тексте автор использует два вида аргументов. Впишите в таблицу (а) название этих видов и (б) приведите по ОДНОМУ примеру каждого вида из числа аргументов, содержащихся в тексте.

1.2. (а) Какой вид аргументов, по мнению автора, является неоспоримым? (б) Обоснуйте вашу точку зрения с опорой на текст и обществоведческие знания. (в) В обоснование своей позиции приведите ДВЕ цитаты автора текста.

1.3. Какие регуляторы социальной жизни, по мнению автора, являются ключевыми для государства?

1.4. Назовите ДВА регулятора общественной жизни в современном секулярном государстве?

1.5. Рассуждая о развитии международных отношений, оратор описывает процесс, чрезвычайно похожий на тот, который охватил современный мир. (а) О каком процессе идет речь? (б) Выпишите фрагмент речи, в котором автор описывает этот процесс.

1.6. Если бы оратор был нашим современником, то поддержал бы он развитие этого процесса? Свой ответ обоснуйте с опорой на текст и обществоведческие знания.

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В КОНГРЕССЕ ДЕПУТАТОВ 4 ЯНВАРЯ 1849 ГОДА

Длинная речь, произнесенная вчера сеньором Кортиной, на которую я намерен ответить, рассмотрев ее вкратце, несмотря на внушительные размеры, была лишь эпилогом — эпилогом заблуждений партии прогрессистов.

Сеньоры, каков принцип сеньора Кортины? Принцип Его Чести, судя по его речи, таков: во внутренней политике — легальность; все по закону и все ради закона. Легальность всегда, легальность во всех обстоятельствах и во

всех случаях. Я же, сеньоры, поскольку считаю, что законы создаются для обществ, а не общества для законов, заявляю: «Общество! Все ради общества и все посредством его, общество навеки, общество во всех обстоятельствах и в любом случае!»

Когда легальности довольно, чтобы спасти общество, пусть будет легальность; когда же ее недостает — диктатура! Сеньоры, это слово ужасно, хотя и не настолько, как слово «революция», самое ужасное среди всех слов.

Я говорю вам, сеньоры, что, в определенных обстоятельствах, подобных нынешним, диктатура представляет собой правительство легитимное, правильное и полезное, как любое другое. Это разумное правительство, которое можно защищать как в теории, так и на практике. Если же нет, посмотрите, сеньоры, на то, что такое жизнь общества.

Жизнь общества, как и жизнь человека, состоит из действия и реакции, из приливов и отливов, из определенных сил вторжения и других, сопротивляющихся им. Такова жизнь общества, такова же и жизнь отдельного человека. Пойдем дальше: силы вторжения, называемые в теле человека болезнями, в теле же общества иным словом, сохраняют одну и ту же суть и принимают два состояния. В первом из них они расплескиваются по всему обществу и представлены в нем отдельными индивидами. Во втором же, жесточайшем состоянии болезни, они воплощаются в политических объединениях. Далее, я утверждаю, что силы сопротивления, существующие как в теле человека, так и в теле общества лишь для того, чтобы отражать силы вторжения, должны соотноситься с их состоянием. Когда силы вторжения распылены, силы сопротивления выглядят так же: они распределяются по правительству, по властям, по судам, одним словом, по всему телу общества. Но когда силы вторжения концентрируются в политические объединения, силы сопротивления со всей необходимостью, которой ничто не может и не имеет права мешать, собираются в одни руки. Вот это и есть ясная, блистательная и нерушимая теория диктатуры.

Умозрительно, сеньоры, эта теория истинна; исторически же это постоянно повторяющийся факт. Назовите мне хоть одно общество, избежавшее диктатуры, назовите мне его! В противном случае, посмотрите, что происходило в демократических Афинах, а что — в аристократическом Риме. В Афинах эта всеобъемлющая власть находилась в руках народа и называлась остракизмом; в Риме она покоилась в руках Сената, делегировавшего ее мужу, облеченному консульским достоинством, и называлась, как и среди нас, диктатурой. Посмотрите на современные нам общества, сеньоры, посмотрите на Францию со всеми ее неурядицами.

Сеньор Гальвес Каньеро упомянул здесь, в недобрый час, английскую конституцию. Сеньоры, английская конституция — единственная в мире

(столь мудры англичане!), в которой диктатура относится не к праву чрезвычайного положения, но к общему праву. И это ясно: у Парламента в любой ситуации, в любое время, когда он пожелает, есть диктаторская власть, ограниченная, как и все человеческие власти, лишь пределами благоразумия. У него есть все возможности, и они составляют диктаторскую власть, позволяющую ему делать что угодно, кроме как превращать женщину в мужчину, а мужчину — в женщину, как говорят их юристы. У Парламента есть возможность изменить конституцию, он может менять что угодно, вплоть до правящей династии, да что династии — вплоть до религии и преследований за убеждения! Одним словом, он может все. Сеньоры, кто из вас видел столь ужасную диктатуру?

Я доказал, что диктатура истинна с точки зрения теории, что она есть привычный факт в историческом порядке. Теперь же я скажу больше: диктатура, можно бы сказать, если мне позволят, есть также факт и в божественном порядке.

Сеньоры, Бог в известной мере оставил правление человеческими сообществами людям, для себя же самого сохранил лишь правление мирозданием. Бог есть конституционный правитель мироздания, если можно так сказать и если к вещам, столь возвышенным, применимы выражения парламентского языка. И это, сеньоры, представляется мне абсолютно ясным и совершенно очевидным: мироздание управляется определенными точными и обязательными законами. Что же это, как не аналог тех законов, которые называются *основными* применительно к человеческим сообществам?

Так, сеньоры, если применительно к физическому миру Бог выступает законодателем так же, как законодатели в случае человеческих сообществ, хотя и различным образом, то правит ли Он всегда с помощью одних и тех же законов, которые установил сам для себя в Его вечной премудрости и которым подчинил всех нас? Нет, сеньоры. Ведь несколько раз он прямо, ясно и открыто проявлял свою суверенную волю, нарушая те законы, которые сам и установил и изменяя, тем самым, естественный ход вещей. Раз так, сеньоры, то нельзя ли сказать, если человеческий язык вообще применим к божественным свершениям, что Он действовал как диктатор?

Это доказывает, сеньоры, сколь велико безумие партии, решившей, что она может править, не пользуясь всеми средствами, которыми пользовался Бог, отказываясь от средства, порой необходимого, от диктатуры. Сеньоры, раз это так, то вопрос, в его подлинном виде, не состоит уже в том, чтобы засвидетельствовать, что диктатура приемлема или, в некоторых обстоятельствах, даже благотворна. Вопрос состоит в том, чтобы решить, настали ли в Испании такие обстоятельства, или они уже миновали. Вот тот самый важный пункт, на котором я и сосредоточусь сейчас. Для этого мне

понадобится бросить взгляд (и в этом я лишь последую за предыдущими ораторами), один взгляд на Европу и второй — на нашу Испанию.

Сеньоры, февральская революция пришла подобно смерти — внезапно. Бог, сеньоры, приговорил французскую монархию.

Сеньоры, когда в Испанию пришла великая новость об этой грандиозной революции, мы все были подавлены и ошеломлены. Ничто не могло сравниться с нашим потрясением и нашей печалью, разве что печаль и потрясение побежденной монархии.

Переходя теперь к причинам этой революции, замечу, что у прогрессистской партии на все одни причины. Сеньор Кортина сказал нам вчера, что революции есть, поскольку есть отсутствие легальности, а чутье народов внезапно и единообразно поднимает их против тиранов. Еще прежде нам сказал сеньор Ордакс Авесилья: «Хотите избегнуть революций? Накормите голодных!» Вот перед вами теория прогрессистской партии во всей ее полноте: причины для революций суть, во-первых, нищета, во-вторых — тирания. Сеньоры, эта теория целиком и полностью противоречит истории. Я прошу вас, приведите мне хоть один пример революции, начатой и проведенной рабами или голодными. Революции суть болезни народов богатых и свободных. В древности рабы составляли бóльшую часть рода человеческого — назовите мне революцию, поднятую этими рабами.

Самое большее, чего они смогли достичь — это поднять несколько войн рабов, но глубинные революции всегда проводились богатейшими аристократами. Нет, сеньоры, не в рабстве и не в нищете лежит исток революций, он находится в желаниях *множества,* избыточно возбужденных трибунами, которые используют их и извлекают из них выгоду. *И будете как богатые* — вот формула социалистических революций, направленных против средних классов. *И будете как знатные* — формула революций средних классов, направленных против знати. *И будете как цари* — вот формула революций знатных классов, направленных против королей. Наконец — *и будете как боги* — вот формула первого бунта первого человека против Бога. От Адама, первого мятежника, до Прудона, последнего нечестивца, такова формула всех революций.

Испанское правительство, и в этом был его долг, не желало, чтобы эта формула нашла свое применение в Испании. И тем менее оно этого желало, чем менее благоприятной становилась внутренняя обстановка; было необходимо принять предупредительные меры против случайностей, как внешних, так и внутренних. Чтобы этого не делать, надо было бы совершенно ничего не знать о мощи этих магнетических течений, что берут начало из очагов революционного заражения и разносят заразу по всему свету.

Сеньоры, я всегда считал, что слепота — губительный знак как для людей, так и для правительств или народов. Я полагал, что тех, кого Бог хочет погубить, он сперва ослепляет и мутит им голову, дабы не видели они бездну, разверзшуюся у них под ногами. Я скажу, сеньоры, что, применяя эти идеи к политике, которую уже несколько лет ведут Англия и Франция, я уже давно предсказал им великие неудачи и катастрофы. Исторический факт, известный и неопровержимый — то, что Франции поручено Провидением быть его инструментом в продвижении новых идей, как политических, так и религиозных или общественных.

В наше время три великие идеи вторглись в Европу: католическая, философская и революционная. Что ж, сеньоры, в каждый из этих периодов Франция всегда создавала людей, чтобы нести эти идеи. Она создала Карла Великого, чтобы продвигать католическую идею, Вольтера — чтобы нести идею философскую, Наполеона — дабы распространять революционную идею. Аналогично, я полагаю, что Англии Провидением поручено поддерживать в мире справедливое нравственное равновесие, создавая, тем самым, вечный контраст с Францией. Франция — это морской прилив, Англия — отлив.

Представьте себе на мгновение прилив без отлива, когда море поглотит все континенты; представьте отлив без прилива, тогда море исчезнет с лица земли. Представьте себе Францию без Англии: мир будет вечно биться в конвульсиях, ежедневно получая новую конституцию, ежечасно — новую форму правления. Представьте и Англию без Франции: мир всегда будет прозябать под хартией достопочтенного Иоанна Безземельного, под этим вечным прототипом всех британских конституций. Что же означает, сеньоры, сосуществование этих двух могущественных народов? Это означает, сеньоры, прогресс, сдерживаемый стабильностью, стабильность, оживляемую прогрессом.

Сеньоры, подавление бывает лишь двух видов: внутреннее и внешнее, религиозное и политическое. Они таковы, что когда религиозный термометр показывает «высоко», термометр политического подавления показывает «низко»; когда же религиозный термометр показывает «низко», термометр политический, политическое подавление, тирания — повышаются. Таков закон человечества, закон истории.

Сеньоры, я прошу вашего внимания, я покажу вам самый чудесный параллелизм, что только есть в истории. Вы видели, как в древнем мире, когда религиозное подавление не могло стать еще ниже, поскольку его вообще не было, политическое выросло до невозможных высот, до тирании. Но ведь с Иисусом Христом, с которым рождается религиозное подавление, полностью исчезает подавление политическое. И это совершенно очевидно, ведь когда

Христос основал со своими учениками общество, оно и было тем единственным, что существовало без правительства. Между Иисусом и его учениками не было иного правительства, кроме как любовь Учителя к своим ученикам, и любовь учеников к их Учителю. Таким образом, когда внутреннее подавление наиболее полно, свобода — абсолютна.

Продолжим с параллелями. Пришли времена апостольские, которые я распространю, поскольку это соответствует моей нынешней цели, от времен, собственно, апостольских до утверждения христианства на Капитолии во время Константина Великого. В это время, сеньоры, христианская религия, то есть, внутреннее религиозное подавление, достигала своего апогея, но, хотя это и было так, за этим последовало то, что всегда следует в обществах, состоящих из людей — начало развиваться семя религиозной свободы, религиозной вольности. Что же, сеньоры, следите за параллелизмом: началу падения религиозного термометра соответствует начало роста термометра политического. Правительства по-прежнему нет, оно еще не необходимо, но уже есть необходимость в ростке правительства. В христианском обществе тогда не было, на самом деле, настоящих магистратов, были лишь арбитры и третейские судьи, которые суть зародыш правительства. И в самом деле, больше-то ничего и не было — христиане в апостольские времена не вели тяжб и не ходили по судам, они решали свои споры посредством арбитров. Но смотрите, сеньоры, как через эту порчу росло правительство.

Наступают феодальные времена, где религия, как и прежде, находится в своей высшей точке, но будучи, до известного предела, испорченной человеческими страстями. Что же происходит, сеньоры, в это время в политическом мире? В нем уже оказывается необходимым настоящее, деятельное правительство, но пока достаточно самого слабого из всех возможных. Так и устанавливается феодальная монархия, самая слабая из всех монархий.

Продолжим наблюдать за параллелями. Наступает, сеньоры, XVI столетие. В этот век, с его великой лютеранской Реформацией, с этим огромным политическим, общественным и религиозным скандалом, с этим актом интеллектуальной и моральной эмансипации народов, в этот век, сеньоры, происходит ряд впечатляющих совпадений. Во-первых, монархии в один миг из феодальных становятся абсолютными. Считаете ли вы, сеньоры, что монархия не может быть больше, нежели абсолютной? Что правительство может превзойти абсолют? Но было необходимо, сеньоры, чтобы термометр политического подавления рос еще и еще, поскольку религиозный термометр все время падал; и, в результате, он вырос еще больше. Что же за новый институт был создан? Регулярные армии! А знаете ли вы, уважаемые сеньоры, что такое регулярные армии? Для того, чтобы понять это, достаточно знать,

что такое солдат, ведь солдат — это раб в униформе. Итак, вы видите, что в то время, когда религиозное подавление становилось все слабее, политическое возросло до абсолютизма и даже больше. Правительствам недостаточно было стать абсолютными, они просили и получили привилегию быть абсолютными и обладать миллионом рук.

Несмотря на это, сеньоры, было по-прежнему необходимо, чтобы политический термометр рос дальше, ведь религиозный не останавливал своего падения; и он вырос еще больше. Что же за новое установление, сеньоры, было создано тогда? Правительства сказали: у нас есть миллион рук, но нам этого мало. Нам нужно больше, нам нужен миллион глаз — и они получили полицию, а с ней и миллион глаз. Но, несмотря на это, сеньоры, политический термометр и политическое подавление должны были расти дальше, ведь религиозный термометр падал… И они выросли еще.

Правительствам, сеньоры, не хватило миллиона рук, не хватило им и миллиона глаз, им понадобился еще и миллион ушей. И они получили их вместе с централизацией администрации, посредством которой в правительство поступают все жалобы и все заявления. Но и этого, сеньоры, не хватило им, поскольку религиозный термометр показывал все ниже и ниже и было необходимо, чтобы политический термометр рос дальше. Доколе, сеньоры?!

Но он вырос еще…

Сеньоры, таково было состояние Европы и мира, когда прозвучали первые разрывы последней революции, объявляя всем нам, что деспотизма в этом мире еще недостаточно, поскольку религиозный термометр опустился ниже нуля. Теперь же, сеньоры, лишь одно из двух…

Лишь одно из двух: либо начнется религиозная реакция, либо нет. Если она начнется, вы сами увидите, сеньоры, как по мере повышения религиозного термометра, политический начнет снижаться естественно, спонтанно, без какого-либо усилия со стороны народов, правительств или конкретных людей, начнет снижаться, пока не остановится на умеренном дне свободы народов. Но если, сеньоры, случится обратное… Итак, сеньоры, я говорю, что, если религиозный термометр продолжит понижаться, то я не знаю, где мы сможем остановиться. Я, сеньоры, не знаю этого и трепещу, когда об этом задумываюсь. Вспомните аналогии, что я предложил вашему вниманию — ведь если, когда религиозное подавление достигало своего апогея, не было необходимости в каком-либо правительстве, то, когда оно будет отсутствовать, никакой вид правительства не покажется чрезмерным, любой деспотизм будет слаб.

Обратите внимание вот на что, сеньоры. В древнем мире тирания была свирепой и разрушительной, и, несмотря на это, она была ограничена

физически. Ведь все государства тогда были маленькими, а международные отношения — совершенно ничтожными. Как следствие, в древности были невозможны великие тирании, за единственным исключением — тирании Рима. А сейчас, сеньоры, сколь все переменилось! Все пути ныне приуготовлены для огромного, колоссального, неохватного, — для вселенского тирана; все готово для этого. Хорошенько смотрите, сеньоры: нет уже ни физического, ни морального сопротивления. Физического сопротивления нет, поскольку с изобретением пароходов и железных дорог исчезли границы, с появлением электрического телеграфа исчезли расстояния. Морального сопротивления нет, поскольку все души разделены и всякий патриотизм ныне мертв.

Лишь одна вещь может помочь избежать катастрофы, только одна. Катастрофы не избежать, давая больше свободы, больше гарантий, создавая новые конституции. Избежим мы ее, лишь направляя все наши силы, сколько их только есть, на то, чтобы вызвать спасительную реакцию, реакцию религиозную. Но возможна ли такая реакция, сеньоры? Возможна — да; но вероятна ли она? С глубокой грустью говорю я здесь, сеньоры, нет, я не считаю ее вероятной. Я видел и знал, сеньоры, многих людей, оставивших веру, а затем вернувшихся к ней. К несчастью, я никогда не видел ни одного народа, вернувшегося к вере после того, как он утратил ее.

Рассмотрев три внешних вопроса, я, в качестве заключения, вернусь к внутреннему. Сеньоры, с начала мира идет спор о том, что лучше для того, чтобы избежать революций и переворотов: система сопротивления или система уступок? Но, сеньоры, к счастью, то, что оставалось вопросом с первого дня творения и до 1848 года, в лето Господне 1848 перестало быть каким бы то ни было вопросом, это уже решенное дело. Я, сеньоры, рассмотрел бы вкратце все те события, начиная с февраля и до сегодняшнего дня, что доказывают это утверждение. Но я удовольствуюсь тем, чтобы напомнить лишь два из них. Франция, сеньоры: там монархия, у которой едва хватало сил, чтобы двигаться, не сопротивлялась и была побеждена республикой, а республика, у которой также едва хватало сил на движения, победила социализм, поскольку сопротивлялась ему.

Сеньоры, если бы здесь шла речь о выборе между свободой, с одной стороны, и диктатурой — с другой, тут не возникло бы ни малейшего разногласия. Ибо кто, имея возможность обняться со свободой, склонил бы колени перед диктатурой? Но вопрос не в этом. Свободы, по сути, не существует в Европе; конституционных правительств, представлявших ее в прошлые годы, почти нигде уже нет, они лишь остовы, безжизненные скелеты.

Итак, сеньоры, таковы конституционные правительства практически по всей Европе. Чем стали эти правительства, с их легитимным большинством,

всегда побеждаемым бунтующими меньшинствами, с их ответственными министрами, не отвечающими ни за что, с их неприкосновенными королями, постоянно подвергающимися насилию? Вот почему, сеньоры, вопрос, как я сказал ранее, не заключается в выборе между свободой и диктатурой; если бы он был таким, я голосовал бы за свободу, как и все мы, сидящие здесь. Но вопрос таков, и этим я заканчиваю: речь идет о выборе между диктатурой восстания и диктатурой правительства; и в этом случае я выбираю диктатуру правительства, как менее обременительную и менее опасную. Речь идет о выборе между диктатурой снизу и диктатурой сверху; я выбираю ту, что идет сверху, поскольку она идет из областей более чистых и спокойных. Наконец, речь идет о выборе между диктатурой кинжала и диктатурой сабли, и я выбираю диктатуру сабли, поскольку она более знатная.

2. Познакомьтесь с результатами исследования и выполните задания.

2.1. Как меняется социально-экономическое поведение соседей тех людей, кто выиграл в лотерею? Приведите два возможных изменения.

2.2. Как социологи характеризуют такой тип поведения? Приведите полное название и кратко объясните свой ответ.

2.3. Приведите три возможных способа сокращения числа банкротств среди соседей тех, кто выиграл в лотерею. Свой ответ обоснуйте. Укажите как каждый из предложенных способов реализуется в России.

«Счастье в чужом кармане?»

«Страдают в действительности при виде чужого счастья, несчастье бедных в этом и состоит», — заметил в начале XX века французский публицист Эмиль Фаге.

Через сто лет исследователи решили проверить эту теорию делом — действительно ли чужая удача заставляет кого-то как-то страдать?

Идея экономистов была проста как все гениальное. Исследователи составили список победителей лотереи в период с 2004 по 2014 год. В список вошли те, кто получил выигрыш не более чем, в три раза превышающий их собственных годовой доход.

Почему не больше — потому, что получатели более крупных выигрышей, как правило, уезжают вместе с деньгами, чтобы начать новую жизнь, а ученых интересовали те, кто, получив выигрыш, остается дома и на глазах соседей покупает новый автомобиль, строит новый дом и покупает дизайнерскую одежду.

В список счастливчиков вошло 7300 человек. Дальше ученые проанализировали финансовое поведение их ближайших соседей — на каждого счастливчика пришлось по 13 домохозяйств. Их медианный годовой доход позволял отнести их к самому нижнему среднему классу.

И вот тут выяснилось, что внезапное богатство их соседа не идет людям на пользу. Среди соседей счастливчиков аномально увеличилось число банкротств.

Региональный этап
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2025 г.
ПЕРВЫЙ ТУР
9–11 класс

Время выполнения заданий первого тура — 180 минут

Уважаемые участники!

Перед Вами текст, который необходимо проанализировать. **Проведите его анализ, ответив на вопросы.** Ваши ответы должны опираться на текст и актуальные обществоведческие знания.

1.1. В тексте автор использует два вида аргументов. Впишите в таблицу (а) название этих видов и (б) приведите по ОДНОМУ примеру каждого вида из числа аргументов, содержащихся в тексте.

1.2. Какой вид аргументов, по мнению автора, является неоспоримым? Обоснуйте свою точку зрения с опорой на текст и обществоведческие знания. В обоснование своей позиции приведите ДВЕ цитаты автора текста.

1.3. Какие регуляторы социальной жизни, по мнению автора, являются ключевыми для государства?

1.4. Назовите ДВА регулятора общественной жизни в современном секулярном государстве?

1.5. Рассуждая о развитии международных отношений, оратор описывает процесс, чрезвычайно похожий на тот, который охватил современный мир. (а) О каком процессе идет речь? (б) Выпишите фрагмент речи, в котором автор описывает этот процесс.

1.6. Если бы оратор был нашим современником, то поддержал бы он развитие этого процесса? Свой ответ обоснуйте с опорой на текст и обществоведческие знания.

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В КОНГРЕССЕ ДЕПУТАТОВ 4 ЯНВАРЯ 1849 ГОДА

Длинная речь, произнесенная вчера сеньором Кортиной, на которую я намерен ответить, рассмотрев ее вкратце, несмотря на внушительные размеры, была лишь эпилогом — эпилогом заблуждений партии прогрессистов.

Сеньоры, каков принцип сеньора Кортины? Принцип Его Чести, судя по его речи, таков: во внутренней политике — легальность; все по закону и все ради закона. Легальность всегда, легальность во всех обстоятельствах и во всех случаях. Я же, сеньоры, поскольку считаю, что законы создаются для обществ, а не общества для законов, заявляю: «Общество! Все ради общества и все посредством его, общество навеки, общество во всех обстоятельствах и в любом случае!»

Когда легальности довольно, чтобы спасти общество, пусть будет легальность; когда же ее недостает — диктатура! Сеньоры, это слово ужасно, хотя и не настолько, как слово «революция», наиболее ужасное среди всех слов.

Я говорю вам, сеньоры, что, в определенных обстоятельствах, подобных нынешним, диктатура представляет собой правительство легитимное, правильное и полезное, как любое другое. Это разумное правительство, которое можно защищать как в теории, так и на практике. Если же нет, посмотрите, сеньоры, на то, что такое жизнь общества.

Жизнь общества, как и жизнь человека, состоит из действия и реакции, из приливов и отливов, из определенных сил вторжения и других, сопротивляющихся им. Такова жизнь общества, такова же и жизнь отдельного человека. Пойдем дальше: силы вторжения, называемые в теле человека болезнями, в теле же общества иным словом, сохраняют одну и ту же суть и принимают два состояния. В первом из них они расплескиваются по всему обществу и представлены в нем отдельными индивидами. Во втором же, жесточайшем состоянии болезни, они воплощаются в политических объединениях. Далее, я утверждаю, что силы сопротивления, существующие как в теле человека, так и в теле общества лишь для того, чтобы отражать силы вторжения, должны соотноситься с их состоянием. Когда силы вторжения распылены, силы сопротивления выглядят так же: они распределяются по правительству, по властям, по судам, одним словом, по всему телу общества. Но когда силы вторжения концентрируются в политические объединения, силы сопротивления со всей необходимостью, которой ничто не может и не имеет права мешать, собираются в одних руках. Вот это и есть ясная, блистательная и нерушимая теория диктатуры.

Умозрительно, сеньоры, эта теория истинна; исторически же это постоянно повторяющийся факт. Назовите мне хоть одно общество, избежавшее диктатуры, назовите мне его! В противном случае, посмотрите, что происходило в демократических Афинах, а что — в аристократическом Риме. В Афинах эта всеобъемлющая власть находилась в руках народа и называлась остракизмом; в Риме она покоилась в руках Сената, делегировавшего ее мужу, облеченному консульским достоинством, и называлась, как и среди нас, диктатурой. Посмотрите на современные нам общества, сеньоры, посмотрите на Францию со всеми ее неурядицами.

Сеньор Гальвес Каньеро помянул здесь, в недобрый час, английскую конституцию. Сеньоры, английская конституция — единственная в мире (столь мудры англичане!), в которой диктатура относится не к праву

чрезвычайного положения, но к общему праву. И это ясно: у Парламента в любой ситуации, в любое время, когда он пожелает, есть диктаторская власть, ограниченная, как и все человеческие власти, лишь пределами благоразумия. У него есть все возможности, и они составляют диктаторскую власть, позволяющую ему делать что угодно, кроме как превращать женщину в мужчину, а мужчину — в женщину, как говорят их юристы. У Парламента есть возможность изменить конституцию, он может менять что угодно, вплоть до правящей династии, да что династии — вплоть до религии и преследований за убеждения! Одним словом, он может все. Сеньоры, кто из вас видел столь ужасную диктатуру?

Я доказал, что диктатура истинна с точки зрения теории, что она есть привычный факт в историческом порядке. Теперь же я скажу больше: диктатура, можно бы сказать, если мне позволят, есть также факт и в божественном порядке.

Сеньоры, Бог в известной мере оставил правление человеческими сообществами людям, для себя же самого сохранил лишь правление мирозданием. Бог есть конституционный правитель мироздания, если можно так сказать и если к вещам, столь возвышенным, применимы выражения парламентского языка. И это, сеньоры, представляется мне абсолютно ясным и совершенно очевидным: мироздание управляется определенными точными и обязательными законами. Что же это, как не аналог тех законов, которые называются *основными* применительно к человеческим сообществам?

Так, сеньоры, если применительно к физическому миру Бог выступает законодателем так же, как законодатели в случае человеческих сообществ, хотя и различным образом, то правит ли Он всегда с помощью одних и тех же законов, которые установил сам для себя в Его вечной премудрости и которым подчинил всех нас? Нет, сеньоры. Ведь несколько раз он прямо, ясно и открыто проявлял свою суверенную волю, нарушая те законы, которые сам и установил и изменяя, тем самым, естественный ход вещей. Раз так, сеньоры, то нельзя ли сказать, если человеческий язык вообще применим к божественным делам, что Он действовал как диктатор?

Это доказывает, сеньоры, сколь велико безумие партии, решившей, что она может править, не пользуясь всеми средствами, которыми пользовался Бог, отказываясь от средства, порой необходимого, от диктатуры. Сеньоры, раз это так, то вопрос, в его подлинном виде, не состоит уже в том, чтобы засвидетельствовать, что диктатура приемлема или, в некоторых обстоятельствах, даже благотворна. Вопрос состоит в том, чтобы решить, настали ли в Испании такие обстоятельства, или они уже миновали. Вот тот самый важный

пункт, на котором я и сосредоточусь сейчас. Для этого мне понадобится бросить взгляд (и в этом я лишь последую за предыдущими ораторами), один взгляд на Европу и второй — на Испанию.

Сеньоры, февральская революция пришла подобно смерти — внезапно. Бог, сеньоры, приговорил французскую монархию.

Сеньоры, когда в Испанию пришла великая новость об этой грандиозной революции, мы все были подавлены и ошеломлены. Ничто не могло сравниться с нашим потрясением и нашей печалью, разве что печаль и потрясение побежденной монархии.

Переходя теперь к причинам этой революции, замечу, что у прогрессистской партии на все одни причины. Сеньор Кортина сказал нам вчера, что революции есть, поскольку есть отсутствие легальности, а чутье народов внезапно и единообразно поднимает их против тиранов. Еще прежде нам сказал сеньор Ордакс Авесилья: «Хотите избегнуть революций? Накормите голодных!» Вот перед вами теория прогрессистской партии во всей ее полноте: причины для революций суть, во-первых, нищета, во-вторых — тирания. Сеньоры, эта теория целиком и полностью противоречит истории. Я прошу вас, приведите мне хоть один пример революции, начатой и проведенной рабами или голодными. Революции суть болезни народов богатых и свободных. В древности рабы составляли бóльшую часть рода человеческого — назовите мне революцию, поднятую этими рабами.

Самое большее, чего они смогли достичь — это поднять несколько войн рабов, но глубинные революции всегда проводились богатейшими аристократами. Нет, сеньоры, не в рабстве и не в нищете лежит исток революций, он находится в желаниях *множества*, чрезмерно возбужденных трибунами, которые используют их и извлекают из них выгоду. *И будете как богатые* — вот формула социалистических революций, направленных против средних классов. *И будете как знатные* — формула революций средних классов, направленных против знати. *И будете как цари* — вот формула революций знатных классов, направленных против королей. Наконец — *и будете как боги* — вот формула первого бунта первого человека против Бога. От Адама, первого мятежника, до Прудона, последнего нечестивца, такова формула всех революций.

Испанское правительство, и в этом был его долг, не желало, чтобы эта формула нашла свое применение в Испании. И тем менее оно этого желало, чем менее благоприятной становилась внутренняя обстановка; было необходимо принять предупредительные меры против случайностей, как внешних, так и внутренних. Чтобы этого не делать, надо было бы совершенно ничего не

знать о мощи этих магнетических течений, что берут начало из очагов революционного заражения и разносят заразу по всему миру.

Сеньоры, я всегда считал, что слепота — губительный знак как для людей, так и для правительств или народов. Я полагал, что тех, кого Бог хочет погубить, он сперва ослепляет и мутит им голову, дабы не видели они бездну, разверзшуюся у них под ногами. Я скажу, сеньоры, что, применяя эти идеи к политике, которую уже несколько лет ведут Англия и Франция, я уже давно предсказал им великие неудачи и катастрофы. Исторический факт, известный и неопровержимый — то, что Франции поручено Провидением быть его инструментом в продвижении новых идей, как политических, так и религиозных или общественных.

В наше время три великие идеи вторглись в Европу: католическая, философская и революционная. Что ж, сеньоры, в каждый из этих периодов Франция всегда создавала людей, чтобы нести эти идеи. Она создала Карла Великого, чтобы продвигать католическую идею, Вольтера — чтобы нести идею философскую, Наполеона — дабы распространять революционную идею. Аналогично, я полагаю, что Англии Провидением поручено поддерживать в мире справедливое нравственное равновесие, создавая, тем самым, вечный контраст с Францией. Франция — это морской прилив, Англия — отлив.

Представьте себе на мгновение прилив без отлива, когда море поглотит все континенты; представьте отлив без прилива, тогда море исчезнет с лица земли. Представьте себе Францию без Англии: мир будет вечно биться в конвульсиях, ежедневно получая новую конституцию, ежечасно — новую форму правления. Представьте и Англию без Франции: мир вечно будет прозябать под хартией достопочтенного Иоанна Безземельного, под этим вечным прототипом всех британских конституций. Что же означает, сеньоры, сосуществование этих двух могущественных народов? Это означает, сеньоры, прогресс, сдерживаемый стабильностью, стабильность, оживляемую прогрессом.

Сеньоры, подавление бывает лишь двух видов: внутреннее и внешнее, религиозное и политическое. Они таковы, что когда религиозный термометр показывает «высоко», термометр политического подавления показывает «низко»; когда же религиозный термометр показывает «низко», термометр политический, политическое подавление, тирания — повышаются. Таков закон человечества, закон истории.

Сеньоры, я прошу вашего внимания, я покажу вам самый чудесный параллелизм, что только есть в истории. Вы видели, как в древнем мире, когда религиозное подавление не могло стать еще ниже, поскольку его вообще не было, политическое выросло до невозможных высот, до тирании. Но ведь с

Иисусом Христом, с которым рождается религиозное подавление, полностью исчезает подавление политическое. И это совершенно очевидно, ведь когда Христос основал со своими учениками общество, оно и было тем единственным, что существовало без правительства. Между Иисусом и его учениками не было иного правительства, нежели любовь Учителя к своим ученикам, и любовь учеников к их Учителю. Таким образом, когда внутреннее подавление наиболее полно, свобода — абсолютна.

Продолжим с параллелями. Пришли времена апостольские, которые я распространю, поскольку это соответствует моей нынешней цели, от времен, собственно, апостольских до утверждения христианства на Капитолии во время Константина Великого. В это время, сеньоры, христианская религия, то есть, внутреннее религиозное подавление, достигала своего апогея, но, хотя это и было так, за этим последовало то, что всегда следует в обществах, состоящих из людей — начало развиваться семя религиозной свободы, религиозной вольности. Что же, сеньоры, следите за параллелизмом: началу падения религиозного термометра соответствует начало роста термометра политического. Правительства по-прежнему нет, оно еще не необходимо, но уже есть необходимость в ростке правительства. В христианском обществе тогда не было, на самом деле, настоящих магистратов, были лишь арбитры и третейские судьи, которые суть зародыш правительства. И в самом деле, больше-то ничего и не было — христиане в апостольские времена не вели тяжб и не ходили по судам, они решали свои споры посредством арбитров. Но смотрите, сеньоры, как через эту порчу росло правительство.

Наступают феодальные времена, где религия, как и прежде, находится в своей высшей точке, но будучи, до известного предела, испорченной человеческими страстями. Что же происходит, сеньоры, в это время в политическом мире? В нем уже оказывается необходимым настоящее, деятельное правительство, но пока достаточно самого слабого из всех возможных. Так и устанавливается феодальная монархия, самая слабая из всех монархий.

Продолжим наблюдать за параллелями. Наступает, сеньоры, XVI столетие. В этот век, с его великой лютеранской Реформацией, с этим огромным политическим, общественным и религиозным скандалом, с этим актом интеллектуальной и моральной эмансипации народов, в этот век, сеньоры, происходит ряд следующих совпадений. Во-первых, монархии в один миг из феодальных становятся абсолютными. Считаете ли вы, сеньоры, что монархия не может быть больше, нежели абсолютной? Что правительство может превзойти абсолют? Но было необходимо, сеньоры, чтобы термометр политического подавления рос еще и еще, поскольку религиозный термометр все время падал;

и, в результате, он вырос еще больше. Что же за новый институт был создан? Регулярные армии! А знаете ли вы, сеньоры, что такое регулярные армии? Для того, чтобы понять это, достаточно знать, что такое солдат, ведь солдат — это раб в униформе. Итак, вы видите, что в то время, когда религиозное подавление становилось все слабее, политическое возросло до абсолютизма и даже больше. Правительствам недостаточно было стать абсолютными, они просили и получили привилегию быть абсолютными и обладать миллионом рук.

Несмотря на это, сеньоры, было по-прежнему необходимо, чтобы политический термометр рос дальше, ведь религиозный не останавливал своего падения; и он вырос еще больше. Что же за новое установление, сеньоры, было создано тогда? Правительства сказали: у нас есть миллион рук, но нам этого мало. Нам нужно больше, нам нужен миллион глаз — и они получили полицию, а с ней и миллион глаз. Но, несмотря на это, сеньоры, политический термометр и политическое подавление должны были расти дальше, ведь религиозный термометр падал… И они выросли еще.

Правительствам, сеньоры, не хватило миллиона рук, не хватило им и миллиона глаз, им понадобился еще и миллион ушей. И они получили их вместе с централизацией администрации, посредством которой в правительство поступают все жалобы и все заявления. Но и этого, сеньоры, не хватило им, поскольку религиозный термометр показывал все ниже и ниже и было необходимо, чтобы политический термометр рос дальше. Доколе, сеньоры?! Но он вырос еще…

Сеньоры, таково было состояние Европы и мира, когда прозвучали первые разрывы последней революции, объявляя всем нам, что деспотизма в этом мире еще недостаточно, поскольку религиозный термометр опустился ниже нуля. Теперь же, сеньоры, лишь одно из двух…

Лишь одно из двух: либо начнется религиозная реакция, либо нет. Если она начнется, вы сами увидите, сеньоры, как по мере повышения религиозного термометра, политический начнет снижаться естественно, спонтанно, без какого-либо усилия со стороны народов, правительств или конкретных людей, начнет снижаться, пока не остановится на умеренном дне свободы народов. Но если, сеньоры, случится обратное… Итак, сеньоры, я говорю, что, если религиозный термометр продолжит понижаться, я не знаю, где мы сможем остановиться. Я, сеньоры, не знаю этого и трепещу, когда об этом задумываюсь. Вспомните аналогии, что я предложил вашему вниманию — ведь если, когда религиозное подавление достигало своего апогея, не было необходимости в каком-либо правительстве, то, когда оно будет отсутствовать, никакой вид правительства не покажется чрезмерным, любой деспотизм будет слаб.

Обратите внимание вот на что, сеньоры. В древнем мире тирания была свирепой и разрушительной, и, несмотря на это, она была ограничена физически. Ведь все государства тогда были маленькими, а международные отношения — совершенно невозможными. Как следствие, в древности были невозможны великие тирании, за единственным исключением — тирании Рима. А сейчас, сеньоры, сколь все переменилось! Все пути ныне приуготовлены для огромного, колоссального, неохватного, — для вселенского тирана; все готово для этого. Хорошенько смотрите, сеньоры: нет уже ни физического, ни морального сопротивления. Физического сопротивления нет, поскольку с изобретением пароходов и железных дорог исчезли границы, с появлением электрического телеграфа исчезли расстояния. Морального сопротивления нет, поскольку все души разделены и всякий патриотизм ныне мертв.

Лишь одна вещь может помочь избежать катастрофы, только одна. Катастрофы не избежать, давая больше свободы, больше гарантий, создавая новые конституции. Избежим мы ее, лишь направляя все наши силы, сколько их только есть, на то, чтобы вызвать спасительную реакцию, реакцию религиозную. Но возможна ли такая реакция, сеньоры? Возможна — да; но вероятна ли она? С глубокой грустью говорю я здесь, сеньоры, нет, я не считаю ее вероятной. Я видел и знал, сеньоры, многих людей, оставивших веру, а затем вернувшихся к ней. К несчастью, я никогда не видел ни одного народа, вернувшегося к вере после того, как он утратил ее.

Рассмотрев три внешних вопроса, я, в качестве заключения, вернусь к внутреннему. Сеньоры, с начала мира идет спор о том, что лучше для того, чтобы избегать революций и переворотов: система сопротивления или система уступок? Но, сеньоры, к счастью, то, что оставалось вопросом с первого дня творения и до 1848 года, в лето Господне 1848 перестало быть каким бы то ни было вопросом, это уже решенное дело. Я, сеньоры, рассмотрел бы вкратце все те события, начиная с февраля и до сегодняшнего дня, что доказывают это утверждение. Но я удовольствуюсь тем, чтобы напомнить лишь два из них. Франция, сеньоры: там монархия, у которой едва хватало сил, чтобы двигаться, не сопротивлялась и была побеждена республикой, а республика, у которой также едва хватало сил на движения, победила социализм, поскольку сопротивлялась ему.

Сеньоры, если бы здесь шла речь о выборе между свободой, с одной стороны, и диктатурой — с другой, тут не возникло бы ни малейшего разногласия. Ибо кто, имея возможность обняться со свободой, склонил бы колени перед диктатурой? Но вопрос не в этом. Свободы, по сути, не существует в

Европе; конституционных правительств, представлявших ее в прошлые годы, почти нигде уже нет, они лишь остовы, безжизненные скелеты.

Итак, сеньоры, таковы конституционные правительства практически по всей Европе. Чем стали эти правительства, с их легитимным большинством, всегда побеждаемым бунтующими меньшинствами, с их ответственными министрами, не отвечающими ни за что, с их неприкосновенными королями, постоянно подвергающимися насилию? Вот почему, сеньоры, вопрос, как я сказал ранее, не заключается в выборе между свободой и диктатурой; если бы он был таким, я голосовал бы за свободу, как и все мы, сидящие здесь. Но вопрос таков, и этим я заканчиваю: речь идет о выборе между диктатурой восстания и диктатурой правительства; и в этом случае я выбираю диктатуру правительства, как менее обременительную и менее опасную. Речь идет о выборе между диктатурой снизу и диктатурой сверху; я выбираю ту, что идет сверху, поскольку она идет из областей более чистых и спокойных. Наконец, речь идет о выборе между диктатурой кинжала и диктатурой сабли, и я выбираю диктатуру сабли, поскольку она более знатная.

Критерии оценивания:

1.1. В тексте автор использует два вида аргументов. Впишите в таблицу (а) название этих видов и (б) приведите по ОДНОМУ примеру каждого вида из числа аргументов, содержащихся в тексте.

КРИТЕРИИ		**УКАЗАНИЯ К ОЦЕНИВАНИЮ**
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ/НАУЧНЫЕ/ИСТОРИЧЕСКИЕ	БОЖЕСТВЕННЫЕ/НЕНАУЧНЫЕ/РЕЛИГИОЗНЫЕ	Может быть принят любой вариант, в котором ясно видно, что участник понимает, что у одних аргументов есть рациональное основание, у других – нет. **1 балл при условии верного указания названий двух видов**
Могут быть приведены следующие аргументы:		
1) …я утверждаю, что силы сопротивления,	1) Сеньоры, Бог в известной мере оставил	**1 балл за каждый верный аргумент в**

существующие как в теле человека, так и в теле общества лишь для того, чтобы отражать силы вторжения, должны соотноситься с их состоянием. Когда силы вторжения распылены, силы сопротивления выглядят так же: они распределяются по правительству, по властям, по судам, одним словом, по всему телу общества. Но когда силы вторжения концентрируются в политические объединения, силы сопротивления со всей необходимостью, которой ничто не может и не имеет права мешать, собираются в одних руках. Вот это и есть ясная, блистательная и нерушимая теория диктатуры. 2) У Парламента есть возможность изменить конституцию, он может менять что угодно, вплоть до правящей династии, да что династии — вплоть до религии и преследований за убеждения! Одним словом, он может все. Сеньоры, кто из вас видел столь ужасную диктатуру? *(аргумент, мягко говоря, не бесспорный, но он про реальные механизмы)*	правление человеческими сообществами людям, для себя же самого сохранил лишь правление мирозданием. Бог есть конституционный правитель мироздания, если можно так сказать и если к вещам, столь возвышенным, применимы выражения парламентского языка. И это, сеньоры, представляется мне абсолютно ясным и совершенно очевидным: мироздание управляется определенными точными и обязательными законами … 2) Так, сеньоры, если применительно к физическому миру Бог выступает законодателем так же, как законодатели в случае человеческих сообществ, хотя и различным образом, то правит ли Он всегда с помощью одних и тех же законов, которые установил сам для себя в Его вечной премудрости и которым подчинил всех нас? Нет, сеньоры. Ведь несколько раз он прямо, ясно и открыто	**правильной категории.**

	проявлял свою суверенную волю, нарушая те законы, которые сам и установил и изменяя, тем самым, естественный ход вещей. Раз так, сеньоры, то нельзя ли сказать, если человеческий язык вообще применим к божественным делам, что Он действовал как диктатор?	
		ВСЕГО 3 балла

1.2. Какой вид аргументов, по мнению автора, является неоспоримым? Обоснуйте свою точку зрения с опорой на текст и обществоведческие знания. В обоснование своей позиции приведите ДВЕ цитаты из текста.

КРИТЕРИИ	**УКАЗАНИЯ К ОЦЕНИВАНИЮ**
Ответ: БОЖЕСТВЕННЫЕ/НЕНАУЧНЫЕ/РЕЛИГИОЗНЫЕ *(или любое другое слово, которое выбирает участник для описания аргументов о том, что диктатура – часть Божьего замысла)*	**1 балл**
Объяснение участника должно строиться на том, что перед нами сторонник традиций и сильной, но не тиранической власти, стремящейся к тому, чтобы жизнь общества была благополучной, либеральный консерватор	**1 балл**
Могут быть приведены следующие цитаты:	
1) «Длинная речь, произнесенная вчера сеньором Кортиной, на которую я намерен ответить, рассмотрев ее вкратце, несмотря на внушительные размеры, была лишь эпилогом — *эпилогом заблуждений партии прогрессистов».* 2) «Сеньоры, каков принцип сеньора Кортины? Принцип Его Чести, судя по его речи, таков: во внутренней политике — легальность; все по закону и все ради	Любая цитата, которая подтверждает, что оратор именно такой вид аргументов (включая аргументы, в которых фигурирует божественный

закона. Легальность всегда, легальность во всех обстоятельствах и во всех случаях. Я же, сеньоры, поскольку считаю, что законы создаются для обществ, а не общества для законов, заявляю: “Общество! Все ради общества и все посредством его, общество навеки, общество во всех обстоятельствах и в любом случае!”» 3) «Сеньоры, февральская революция пришла подобно смерти — внезапно. Бог, сеньоры, приговорил французскую монархию».	замысел), считает релевантным. **2 балла за две верно приведенные цитаты (одна цитата — 0 баллов)**
	ВСЕГО 4 балла

1.3. Какие регуляторы социальной жизни, по мнению автора, являются ключевыми для государства?

КРИТЕРИИ	**УКАЗАНИЯ К ОЦЕНИВАНИЮ**
Ответ: - религия; - политика. *Примечание: Армия и полиция без пояснений не может считаться верным ответом. Баллы могут быть выставлены только в случае, если школьник поясняет, что армия и полиция – институты государственного принуждения, а государство – основной политический институт.*	**По 1 баллу за каждый верно указанный регулятор** **Всего 2 балла.**
	ВСЕГО 2 балла

1.4. Назовите ДВА регулятора общественной жизни в современном секулярном государстве?

КРИТЕРИИ	**УКАЗАНИЯ К ОЦЕНИВАНИЮ**
Ответ: *Могут быть приведены следующие регуляторы:* 1) мораль; 2) право.	**1 балл за каждый верно указанный регулятор.** **Всего 2 балла.**
	ВСЕГО 2 балла

1.5. Рассуждая о развитии международных отношений, оратор описывает процесс, чрезвычайно похожий на тот, который охватил современный

мир. О каком процессе идет речь? Выпишите фрагмент речи, в котором автор описывает этот процесс.

КРИТЕРИИ	**УКАЗАНИЯ К ОЦЕНИВАНИЮ**
Ответ: Глобализация	**1 балл**
Цитата: «А сейчас, сеньоры, сколь все переменилось! Все пути ныне приуготовлены для огромного, колоссального, неохватного, — для вселенского тирана; все готово для этого. Хорошенько смотрите, сеньоры: нет уже ни физического, ни морального сопротивления. Физического сопротивления нет, поскольку с изобретением пароходов и железных дорог исчезли границы, с появлением электрического телеграфа исчезли расстояния. Морального сопротивления нет, поскольку все души разделены и всякий патриотизм ныне мертв».	**1 балл**
Возможен еще один вариант ответа	
Ответ: Постсекуляризация/Религиозный ренессанс	**1 балл**
«Лишь одна вещь может помочь избежать катастрофы, только одна... Избежим мы ее, лишь направляя все наши силы, сколько их только есть, на то, чтобы вызвать спасительную реакцию, реакцию религиозную. Но возможна ли такая реакция, сеньоры? Возможна — да; но вероятна ли она?»	**1 балл**
	ВСЕГО за задание 2 балла

1.6. Если бы оратор был нашим современником, то поддержал бы он развитие этого процесса? Свой ответ обоснуйте с опорой на текст и обществоведческие знания.

КРИТЕРИИ	**УКАЗАНИЯ К ОЦЕНИВАНИЮ**
Ответ: Автор подобие глобализации в тексте критикует/нет, не поддержал бы (1 балл).	**1 балл за верное указание отношения автора к процессу.**

Обоснование должно опираться на следующую логику рассуждений: Отсутствие границ => отсутствие понимания «своего» => патриотизм мертв => «вселенский тиран властвует» *<u>Примечание:</u> Если школьник дает ответ «гегемония», но правильно все дальше объясняет, то максимально возможный балл за ответ – 2 балла.*	**3 балла за логически полное развернутое обоснование.** **Всего 4 балла.**
	ВСЕГО 4 балла

Всего за задание: 17 баллов.

2. Познакомьтесь с результатами исследования и выполните задания.

2.1. Как меняется социально-экономическое поведение соседей тех людей, кто выиграл в лотерею? Приведите два возможных изменения.

2.2. Как социологи характеризуют такой тип поведения? Приведите полное название и кратко поясните свой ответ.

2.3. Приведите три возможных способа сокращения числа банкротств среди соседей тех, кто выиграл в лотерею. Свой ответ обоснуйте. Укажите как каждый из предложенных способов реализуется в России.

«Счастье в чужом кармане?»

«Страдают в действительности при виде чужого счастья, несчастье бедных в этом и состоит», — заметил в начале XX века французский публицист Эмиль Фаге.

Через сто лет исследователи решили проверить эту теорию делом — действительно ли чужая удача заставляет кого-то как-то страдать?

Идея экономистов была проста как все гениальное. Исследователи составили список победителей лотереи в период с 2004 по 2014 год. В список вошли те, кто получил выигрыш не более чем, в три раза превышающий их собственных годовой доход.

Почему не больше — потому, что получатели более крупных выигрышей, как правило, уезжают вместе с деньгами, чтобы начать новую жизнь, а ученых интересовали те, кто, получив выигрыш, остается дома и на глазах своих соседей покупает новый автомобиль, строит новый дом и покупает дизайнерскую одежду.

В список счастливчиков вошло 7300 человек. Дальше ученые проанализировали финансовое поведение их ближайших соседей — на каждого счастливчика пришлось по 13 домохозяйств. Их медианный годовой доход позволял отнести их к самому нижнему среднему классу.

И вот тут выяснилось, что внезапное богатство их соседа не идет людям на пользу. Среди соседей счастливчиков аномально увеличилось число банкротств.

2.1. Как меняется социально-экономическое поведение соседей тех, кто выиграл в лотерею? Приведите два возможных изменения.

— Соседи выигравших в лотерею наращивают «видимые» активы: увеличивают расходы, например, на обновление автомобилей и наружный ремонт **(1 балл).**

— Соседи выигравших в лотерею гораздо чаще начинают вкладываться в рискованные финансовые инструменты и больше брать в долг **(1 балл).**
Всего 2 балла.

2.2. Как социологи характеризуют такой тип поведения? Приведите полное название и кратко поясните свой ответ.

Такое поведение социологи характеризуют как демонстративное потребление **(1 балл)**, когда мотивом для покупки машины, ремонта дома и т.п. становится не объективная потребность в потреблении товара или услуги, а субъективное желание продемонстрировать свои финансовые возможности **(1 балл)**.

Всего 2 балла.

2.3. Приведите три возможных способа сокращения числа банкротств среди соседей тех, кто выиграл в лотерею. Свой ответ обоснуйте. Укажите как каждый из предложенных способов реализуется в России.

Могут быть названы следующие способы:

1) Более внимательный подход со стороны банков к информации о заемщиках, так как банк не заинтересован в выдаче необеспеченных кредитов (опасность: финансовые потери банка, банкротство банка или утрата лицензии). То есть следует опираться на индивидуальный подход при выдаче кредитов, внимательно изучать кредитную историю возможного заемщика. Банки могут предлагать в первую очередь целевые кредиты, что будет привлекательно как со стороны заемщика (ставки по таким кредитам ниже, сроки погашения дольше и др.), так и со стороны банка, который получит расширенный пакет документов (более детальная проверка кредитной истории).

В России для повышения защищённости кредиторов и заёмщиков за счёт общего снижения кредитных рисков, повышения эффективности предоставления и возврата заёмных средств действует Федеральный закон «О кредитной истории».

2) Повышение финансовой грамотности населения с целью формирования общей финансовой культуры, что будет способствовать в том числе росту качества финансовых услуг. Следовательно, финансовая грамотность может помочь в сглаживании потребления (посредством сбережений, их диверсификации). При росте грамотности восприятие макроэкономических трендов, таких как динамика курса денежной единицы или ставок по вкладам, становится более точным. Финансовая грамотность помогает также избежать ловушки мошеннических схем.

В России действует специальный национальный проект «Национальная стратегия повышения финансовой грамотности». *Могут быть приведены отдельные аспекты нацпроекта (внедрение элементов финансовой грамотности в образовательные программы образовательных организаций, организацию публичных мероприятий для различных целевых аудиторий).*

3) Решая проблему защиты прав потребителей финансовых услуг можно снизить частоту банкротств. Если заемщик получит квалифицированную экономическую и юридическую помощь, включающую не только сопровождение сделки с банком, но и разъяснительную работу относительно последствий

принимаемого решения о займе и тратах на демонстративное потребление, можно повлиять на изменение социального поведения соседей, выигравших в лотерею.

В России сложился широкий круг организаций, оказывающих подобную поддержку населению. Например, на уровне государства это Роспотребнадзор, Министерство финансов и Центральный банк РФ (в них существуют специальные службы и подразделения по защите прав потребителей финансовых услуг).

Указание способа с обоснованием — 1 балл. При отсутствии обоснования — 0 баллов.

Указание на реализацию предложенного способа в России – 1 балл.

Всего 6 баллов.

Всего за задание: 10 баллов.